

Ж. Д. ДОСКАРАЕВ

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ДИАЛЕКТОЛОГИИ И ИСТОРИИ
КАЗАХСКОГО ЯЗЫКА

В Институте языка и литературы Академии наук Казахской ССР ведется работа по изучению местных особенностей казахского языка. Для этой цели был организован ряд диалектологических экспедиций в юго-восточные и северо-западные районы Казахстана. На основе фактических материалов, собранных участниками экспедиций, опубликован ряд статей и монографий, составлен диалектологический словарь (в настоящее время он готовится к печати) и собран значительный лексический материал, связанный с рыболовством в приаральских и прикаспийских районах Казахстана, который сейчас изучается в Институте языка и литературы. Однако казахская диалектология до сих пор не заняла надлежащего ей места в ряду лингвистических дисциплин. Более того, она нуждается еще в ряде уточнений по вопросу о диалектах казахского языка.

1

Вопрос о диалектах и говорах казахского языка до сих пор является одним из самых запутанных в казахском языкознании. По нему в последнее время были высказаны самые различные мнения. Так, проф. С. А. Аманжолов считает, что в казахском языке были в прошлом и остаются поныне три территориальных диалекта в соответствии с этническим составом так называемых казахских жузов. Как известно, казахские жузы как этническая группа существовали недолго; они не имели определенных территориальных границ, так как в условиях кочевого хозяйства, естественно, не могли представлять в территориальном отношении замкнутые объединения.

Кроме того, в своей статье «О диалектах казахского языка»¹ С. А. Аманжолов поднимает отдельные спорные вопросы, касающиеся изучения говоров казахского языка. Выясняя наличие диалектов в казахском языке, автор опирается главным образом на материалы некоторых грамматик казахского языка конца XIX в. Так, по мнению С. А. Аманжолова, книга М. Терентьева «Грамматики турецкая, персидская, киргизская и узбекская»², в основном, отражает диалекты южных областей. В своей статье «Советское языкознание на новом этапе» он по этому поводу пишет: «... работа М. Терентьева ... полностью подтверждает наличие южного диалекта казахского языка с особым грамматическим строем»³. Если

¹ С. А. Аманжолов, О диалектах казахского языка, «Вопросы языкознания», М., 1953, № 6, стр. 87—101.

² М. Терентьев, Грамматики турецкая, персидская, киргизская и узбекская, СПб., 1875.

³ С. Аманжолов, Советское языкознание на новом этапе, «Вестник АН Казахской ССР», Алма-Ата, 1951, № 1, стр. 22.

грамматика М. Терентьева отражает диалект южных областей Казахстана, то «Грамматика киргизского языка» В. В. Катаринского⁴, как считает проф. С. А. Аманжолов, отражает черты диалекта западных областей, а «Краткая грамматика казак-киргизского языка» П. М. Мелиоранского⁵ отражает черты диалекта северо-восточных областей.

Такие выводы С. А. Аманжолова далеко не подтверждаются фактическими данными. Нельзя утверждать, что грамматика М. Терентьева отражает диалект южных областей, хотя она и показывает его некоторые черты, например, употребление *дж* вместо *ж* (*джол* «дорога», *джыл* «год» и др.), чередование *ш/ч* в некоторых словах (*сатушы* — *сатучы* «продавец» и др.), формы творительного падежа с послелогом *мынан* (*темир джолмынан барды* «поехал по железной дороге»), форму настоящего времени типа *уйықтап атыр* «он спит»⁶ и др. Вместе с тем некоторые особенности, представленные в грамматике М. Терентьева, не встречаются в разговорной речи казахов южных областей; так, например, не характерно для южан: а) употребление *дж* вместо *ш* в конце слова (*кылыдж-менен* «саблюю»); б) формы родительного и винительного падежей с аффиксами *-ны* вместо *-дың* (*базарны*) и *-ны* вместо *-ды* (*базарны*); в) формы исходного падежа *атанан*, *шешенен*, *меннен*, *синнен*, *оннан* вместо *атадан*, *шешеден*, *менен*, *сенен*, *онан*⁷ и т. п. Во всяком случае, эти явления встречаются не у всех южан, а только в разговорной речи населения некоторых районов (Сарыагашского и др.) Южно-Казахстанской области, т. е. районов, смежных с территорией, где живут узбеки и туркмены.

Не основательны ссылки С. А. Аманжолова также и на некоторые особенности языка, представленные в грамматике В. В. Катаринского, как на одно из доказательств существования западного диалекта казахского языка. Правда, П. М. Мелиоранский в своей рецензии на «Грамматику киргизского языка» отмечал некоторые особенности разговорной речи оренбургских казахов, но эти местные особенности не являются признаками особого диалекта западных областей.

Наконец, нельзя согласиться и с тем, что «Краткая грамматика казак-киргизского языка» П. М. Мелиоранского отражает особенности диалекта северо-восточных областей, так как грамматика эта написана, по выражению самого автора, на основе разговорного языка казахов⁸, который по существу не отличается от общеразговорной речи казахов западных и южных областей. В грамматике не обнаруживаются какие-либо черты говоров ни северо-западных, ни юго-восточных областей Казахстана.

Таким образом, отдельные фонетические, лексические и грамматические особенности, представленные в указанных выше грамматиках, не могли дать С. А. Аманжолову оснований для выделения трех различных диалектов в казахском языке.

Среди казахских языковедов существуют и другие мнения. Так, некоторые считают, что в казахском языке вообще не было и не имеется ни диалектов, ни говоров, а есть лишь некоторые искаженные формы слов, которые рассматриваются ими как явления и формы просторечья. Это мнение исходит из утверждений П. М. Мелиоранского, акад. В. В. Радлова и некоторых других ученых. Так, например, в 1894 г. П. М. Мелиоранский

⁴ [В. В. Катаринский], Грамматика киргизского языка, Оренбург, 1897.
⁵ П. М. Мелиоранский, Краткая грамматика казак-киргизского языка, ч. I, СПб., 1894.

⁶ См. М. Терентьев, указ. соч., стр. 120, 136, 145.

⁷ Там же, стр. 124, 128.

⁸ См. П. М. Мелиоранский, указ. соч., стр. 4.

писал: «Особенно замечательно то обстоятельство, что несмотря на громадное пространство, занимаемое киргизами, казахами и т. д., язык их даже в наиболее удаленных друг от друга местах почти совершенно одинаков,— до такой степени, что дальнейшее его дробление на поднаречия едва ли возможно»⁹. Однако такое утверждение противоречит истинному положению вещей, хотя некоторые казахские языковеды и пытаются его развить и доказать отсутствие в казахском языке каких-либо особых говоров и диалектов.

Среди современных казахских языковедов существование диалектных различий в казахском языке отрицает также Г. Г. Мусабаев. При этом он опирается на высказывания проф. Н. Т. Сауранбаева о монолитности казахского языка¹⁰, а также проф. Г. Д. Санжиева о характере местных различий казахского языка¹¹. По мнению Г. Г. Мусабаева, существующие диалектные явления в казахском языке не могут служить критериями для установления в нем каких-либо особых говоров и диалектов. Г. Г. Мусабаев считает, что эти явления носят остаточный, окостенелый характер, но эти явления почти неумовимы¹².

С этим мнением нельзя согласиться, ибо оно противоречит языковым явлениям и фактам, которые говорят о том, что в казахском языке имеются диалектные различия, причем различия эти касаются основного словарного фонда, частично грамматического строя, а также и фонетической структуры казахского языка. При самых поверхностных наблюдениях устанавливаются значительные лексические, фонетические и некоторые грамматические расхождения между южными и северо-западными областями Казахстана. Так, например, в южных районах Казахстана говорят: *сым* «брюки», *ақта* «кастрат», *кепе* или *кебе* «ягненок раннего приплода», *ақыр* «ясли для скота», *барғым бар* «мне хочется идти», *аң қаралы* «пойдем на охоту», *ертеңгісін* «утром» вместо казахских слов литературного языка: *шалбар*, *жарғақ*, *азбаң*, *марқа*, *барғым келеді*, *аң қарайық*, *ерте* и других, и, в свою очередь, в некоторых районах западного Казахстана встречаются слова, которые отсутствуют на юге, например: *көпшік* «подушка», *бұрыс* «матка», *бөтеке* «почка», *сақ* «солома», *ыза* «сырость», *көбен* «стога», *бау* «заходить» (о солнце), *сабу* «слабый», *сақын* «берегись», *бізін* «наш», *сізін* «ваш» (вместо *біздің*, *сіздің*) и другие.

Некоторые местные различия в казахском языке признает и проф. Н. Т. Сауранбаев: «...относительная монолитность казахского языка, — пишет он, — вовсе не означает, что в нем нет никаких различий. В народном разговорном языке имеют место различного рода фонетические, лексические и грамматические отклонения, расхождения. Они суть: 1. Пережитки некогда существовавших диалектов (родоплеменных языков). Сюда условно можно отнести параллельные употребления *с* и *ш* (*мысық* — *мышық* «кошка», *тексер* — *текшер* — «исследовать»); чередование *т/д* (*теңіз* — *деңіз* «море»); чередование *ч/ш* [*шапан* — *чапан* «халат», *шалғы* — *чалғы* «коса» (орудие)] и т. п.¹³ Однако, несмотря на то, что приведенные примеры и факты являются показателем диалектных разли-

⁹ Там же, стр. 3.

¹⁰ Н. Т. Сауранбаев, Некоторые черты древнекипчакского языка, «Вестник АН Казахской ССР», Алма-Ата, 1948, № 12, стр. 16.

¹¹ См. Г. Д. Санжиев, Образование и развитие национальных языков в свете учения И. В. Сталина, сб. «Вопросы языкознания в свете трудов И. В. Сталина», М., Изд-во Моск. ун-та, 1950, стр. 117.

¹² См. Г. Мусабаев, Об изучении истории казахского языка в свете трудов И. В. Сталина, «Вестник АН Казахской ССР», Алма-Ата, 1951, № 9, стр. 94.

¹³ Н. Т. Сауранбаев, Письмо в редакцию, «Вестник АН Казахской ССР», Алма-Ата, 1951, № 11, стр. 113.

чий в казахском языке, проф. Н. Т. Сауранбаев рассматривает их только как пережитки когда-то существовавших диалектов и говоров.

2

При решении вопроса о диалектной структуре конкретного языка, как это подчеркнул в своих трудах по языкознанию И. В. Сталин, необходимо исходить из конкретных исторических условий развития данного народа и языка. Отношение диалектов и говоров к общенациональному языку, позднее к общенациональному, а также к языку литературному в разные эпохи бывает различным. Если в эпоху языков народностей диалект является разновидностью общенационального языка, то в эпоху национальных языков он отживающая и отмирающая категория.

Казахский язык не является исключением в отношении этих закономерностей. В нем, как и в других языках, имеются свои местные, территориальные диалектные особенности, которые возникли и существуют в силу различных исторических причин и которые постепенно, но неравномерно для всех диалектов и говоров нивелируются и исчезают в эпоху становления и развития общенационального казахского языка.

После Великой Октябрьской социалистической революции в нашей стране в связи с развитием экономики и культуры и повышением грамотности населения еще более усиливается влияние литературного языка на общенациональный разговорный язык. Однако в силу устойчивости языковых форм и явлений, а также в связи с различными историческими условиями многие особенности в местных диалектах и говорах сохранились и до настоящего времени.

Одни диалекты и говоры казахского языка распространены на обширной территории с многочисленным населением. Другие же говоры имеют весьма ограниченное распространение и замыкаются внутри одного колхоза или деревни. Так, например, население колхоза «Болат Қосшы» Джамбульской области, имея в своем составе представителей различных национальностей (казахов, киргизов, узбеков и др.), образует особую смешанную группу, известную под именем шала-казахов, которая, находясь на одной территории и ныне в одном колхозе, говорит на особом говоре, отличном от других говоров казахского языка¹⁴. Несмотря на свое небольшое распространение, этот говор представляет также несомненный интерес для казахской диалектологии.

И. В. Сталин в работе «Марксизм и вопросы языкознания» дал исчерпывающие ответы на вопросы о возникновении и развитии языка. «...язык и законы его развития,— говорит И. В. Сталин,— можно понять лишь в том случае, если он изучается в неразрывной связи с историей общества, с историей народа, которому принадлежит изучаемый язык и который является творцом и носителем этого языка»¹⁵.

История казахского народа тесно связана с историей племен и народностей, входивших в состав восточного и западнотюркского каганата в VII—VIII вв., когда в центральном Казахстане происходило зарождение патриархально-феодалных отношений. На этой основе сформировался позже и кыпчакский союз, в состав которого вошла часть древних казахских племен (часть канглы и др.). Другая часть (уйсуны-дулаты и др.) после распада тюркского каганата вошла в состав государства карлуков и караханидов. В период монгольского нашествия территория Казахстана была раздроблена, и древние племена казахов, населявшие северо-

¹⁴ См. Ж. Доскараев и Г. Мусабаев, Местные особенности казахского языка, ч. I, Алма-Ата, Изд-во АН Казах. ССР, 1951, стр. 104—107 (на казах. яз.).

¹⁵ И. Сталин, Марксизм и вопросы языкознания, Госполитиздат, 1953, стр. 22.

западную и южную часть, были разобщены: они делились между отдельными владениями наместников Чингис-хана; некоторые же казахские области до вхождения их в состав России продолжительное время находились под властью среднеазиатских ханов.

Процесс объединения различных родоплеменных союзов и их дробления явился причиной образования диалектов и говоров внутри языков и народностей. По этому вопросу Н. А. Баскаков пишет: «...местные или „территориальные“ диалекты, представляя собой результат исторического развития языка, продукт объединения и распада родовых и племенных языков, сохраняют особые черты своего словарного состава и грамматического строя»¹⁶.

Как в период монгольского нашествия, так и ранее, в период тюркского каганата, диалекты существовали в рамках древних тюркских племен, которые позже вошли в состав казахской народности. Однако сейчас мы не можем точно установить, какие диалектные различия были характерны для древних племен и родов, вошедших в состав казахского народа. История казахского народа свидетельствует о том, что казахи как единый народ, имевший единый и общий язык, появились в XV в. В его состав вошли родственные племена и некоторые группы других народностей (монголов и др.). В связи с объединением этих племен произошло сглаживание различий, которые тогда существовали между племенными языками, диалектами. Поэтому местные диалектные особенности в эпоху формирования языков народностей имели уже иную структуру и не совпадали с родоплеменными делениями.

Известно, что основная масса населения Казахстана вела кочевой образ жизни. Это бесспорный факт, ибо главной отраслью хозяйства казахов было кочевое скотоводство. Содержание скота на подножном корму требовало регулярных перекочевок. Радиус кочевания был различен. Богатые хозяйства, располагавшие большим количеством пастухов для скота и домашних услуг, могли кочевать на большее расстояние по сравнению с менее состоятельными хозяйствами. В условиях кочового скотоводческого хозяйства древние племена казахов, населявшие территорию Казахстана, не прерывали культурно-экономической связи между собой. Они ежегодно передвигались на далекое расстояние с севера на юг и обратно. Это обстоятельство определило постепенный процесс нивелировки, отмирание диалектов бывших племенных языков и привело к тому, что ныне местные особенности в казахском языке не имеют резких различий и различия эти проявляются только в сфере фонетики, лексики и лишь в некоторой степени в области грамматического строя.

В силу этих исторических условий разговорный казахский язык представлен ныне двумя большими группами говоров:

1) юго-восточных, распространенных в областях Южно-Казахстанской, Джамбульской, Алма-Атинской и районах юго-запада Талды-Курганской области (Талды-Курганский, Кировский, Каратаевский и другие районы) и юго-востока Кзыл-Ордынской области (Чилийский, Жаана-Курганский и другие районы);

2) северо-западных, распространенных в областях Западно-Казахстанской, Актюбинской, Гурьевской, Кустанайской, Карагандинской, Акмолинской, Павлодарской, Северо-Казахстанской, в районах (Казалинском, Аральском и др.) западной части Кзыл-Ордынской и северо-западной части (Абралинский, Абаевский, Чубартаевский и другие районы) Семипалатинской областей.

¹⁶ Н. А. Баскаков, Классификация тюркских языков в связи с исторической периодизацией их развития и формирования, «Труды Ин-та языкознания», т. I, М., 1952, стр. 10.

Внутри северо-западной группы говоров имеются некоторые фонетические и лексические расхождения, но эти расхождения настолько незначительны, что их считать диалектными различиями нельзя.

Характерные признаки этих групп говоров в области фонетики таковы:

1. Наличие неустойчивости отдельных гласных в некоторых словах юго-восточных говоров, например: *мазmun* — *мазмун* «содержание», *қайтеді* — *қайтеді* «что делает? как делает?», *қария* — *қария* «старик».
2. Наличие чередования звуков *а/ы* в некоторых словах северо-западных говоров, например: *сайаз* — *сайыз* «мель», *айқара* — *айқыра* «охватывая», *арқалы* — *арқылы* «через», *айырмасы* — *айырмысы* «различие», *алы-талы* — *алы-тылы* «торопливо» и др.
3. Наличие преимущественно негубных гласных в некоторых юго-восточных говорах при соответствии им губных гласных в северо-западных, например: *бықтыру* — *бұқтыру* «разварить», *кебе* — *көбе* «ягненок раннего приплода», *інемі* — *үнемі* «все время», *кеуірт* — *күкірт* «спички» и др.
4. Наличие в юго-восточных районах звука *ч* при соответствии ему *ш* в северо-западных, например: *чеше* — *чече* «мать», *чал-шал* «старик», *чабын* — *шабын* «покос», *энчи* — *энші* «певец», *малчы* — *малшы* «пастух». Эти фонетические явления распространены в большинстве говоров юго-восточных районов, начиная от Алтая-Тарбагатай до Арыского района Южно-Казахстанской области.
5. Противопоставление типов ассимиляции согласных *ңл* в юго-восточных говорах и *ңд* в северо-западных, например: *таңлай* — *таңдай* «небо», *теңдік* — *теңдік* «равноправие», *тыңлау* — *тыңдау* «слушать» и др.
6. Наличие в говорах юго-восточных районов *дэс* при соответствии ему *жс* в северо-западных, например: *дэсігіт* — *жсігіт* «молодец», *дэсоқ* — *жсоқ* «нет», *дэсер* — *жсер* «земля», *дэсайлау* — *жсайлау* «летнее пастбище» и др. Это явление характерно для большинства юго-восточных говоров.
7. Преимущественное наличие в начале слова звонкого *б* в северо-западной группе говоров при *б/п* в юго-восточных группах (*бейнет* — *пейнет* «мука, мучение», *бида* — *пида* «веревка, продетая в нос верблюда» и др.). В северо-западных говорах звук *п* в начале слова неизвестен (исключения составляют заимствованные слова).
8. Наличие чередования сонорных звуков *п/ң* в юго-восточных говорах при отсутствии его в северо-западных, например: *қалың* — *қалың* «толстый, густой», *көбең* — *көбен* «разжиревший» (о животном), *біздің* — *біздің* «наш», *өлең* — *өлен* «песня» и др.
9. Наличие колебания *с/ш* лишь в некоторых словах (*қышқам* — *қысқас* «щипцы», *шама* — *сама* «чайный отвар» и др.) в северо-западных говорах в отличие от юго-восточных, где это колебание наблюдается чаще (*тұрмыс* — *тұрмыш* «жизнь», *есек* — *ешек* «осел», *тысқары* — *тышқары* «наружу» и др.). Следует отметить, что употребление звука *ш* вместо *с* в казахском языке наблюдается реже, чем в некоторых других тюркских языках.
10. Наличие чередования звуков *ж/ш* в некоторых словах ряда говоров северо-западных районов в отличие от юго-восточных, например: *был-жырақ* — *былшырақ* «мокрый» и др.
11. Соответствие (иногда) в некоторых говорах звонкого *д* начальному глухому звуку *т* литературного языка: *деңіз* — *теңіз* «море», *дүз* — *түз* «соль», *дiзгiн* — *тизгiн* «поводья», *диірмен* — *тиірмен* «мельница» и др. Это явление особенно наблюдается в разговорной речи юго-западных областей Казахстана. Признак, отчасти объясняющийся влиянием огузской группы языков.

В общенародном языке наблюдаются также большие диалектные различия и со стороны лексики, чего нет в литературном языке. «Особенности того или иного диалекта, — пишет проф. А. С. Чикобава, — могут обнаружиться в том, что определенные слова одного диалекта не встречаются в другом диалекте или те же слова имеются, но произносятся по-разному, или же произносятся одинаково, но имеют разные значения, или же одни и те же слова отличаются и по произношению, и по значению...»¹⁷

Это положение в известной мере относится и к говорам казахского языка, в частности к различиям в области лексики. Приведем несколько примеров:

1. В южных районах Казахстана употребляются такие слова, как, например: *келе* «землянка», *тесе* «мотыга», *ақа (ушақа)* «вилы», *қыс* «кирпич», *елкезер* «сито», *егер (ер)* «седло», *пешене* «лоб», *сым* «брюки», *сыпыра* «скатерть, сделанная из кожи», *мойынтұрық* «ярмо», *мият* «сторонник, защитник», *бәсіре* «принадлежность», *шар* «мелкие травянистые отбросы пшеницы», *кәшек (көшек)* «солома», *кірлен* «таз для стирки белья», *сәмбе (шәмбе)* «чайный отвар», *қосу, чегу* «запрягать» (лошадь), *опайдау* «молотить», *шұрқан салу* «буянить», *мият болу* «заступиться, защищаться» и другие. Эти слова не встречаются в северных районах, где в свою очередь также имеется много слов, отсутствующих в южных, например: *көбе* «ягненок раннего приплода», *көпеш* «ягненок позднего приплода», *сота* «палка, палица», *шөт* «мотыга», *шөтеке (шопсуығыш)* «сенодергалка», *оттық* «ясли для скота», *елеуіш* «сито», *кәкпір* «ковш», *бақыр* «ведро», *балташы* «плотник», *кегей (деңгелектің шабағы)* «спица у колеса», *оуды, көрім* «хорошо» (на юге — *көрім* «отвратительный»), *бул* «мануфактура, товар», *манду* «развитие, рост», *жуырда* «ближайший», *шекейін* «предел, до» и другие.

2. В северо-западных говорах и в литературном языке имеются такие слова, как, например: *дже* «отец», *үй* «дом», *төр* «почетное место», *тоңу* «замерзнуть», *сақ (сау)*, *сауығу* «выздороветь», *сұрау (соруау)* «спрашивать» и другие, которые встречаются в том же значении в древнеписьменных памятниках тюркских языков VIII в., в юго-восточных же говорах указанные слова не выражают первоначального содержания. В юго-восточных районах, в отличие от северо-западных: *эке* «дитя, ребенок», *мұздау* (вместо *тоңу*) «замерзнуть», *сақау* «выздороветь», *сұрау* «управлять, руководить» и т. д.

3. Наблюдаются случаи, когда одинаковые предметы, явления в различных районах называются по-разному, например, в юго-восточных районах: *тана* «теленок в возрасте от одного до двух лет», *қора*, *жайдақ қора* «загон для овец», *ұрнақ* «отруби», *кетпен* «мотыга», *долы* «град» (*долы* *Ұрды* «град побил»), *эуен* «песня, голос», *тіршілікке бару* «идти на работу», *қос айдау* «пахать», *чанда (шанда)* «иногда». В северо-западных говорах им соответствует: *тайынша*, *қотан*, *кебек*, *кетпен-шот*, *бұршақ*, *эн*, *жұмысқа бару*, *эсер жырту*, *анда-санда* и т. д.

4. Часто слово имеет в одном говоре лишь одно значение, в другом же — два, например, в юго-восточных говорах слово *қос* обозначает «соха» или «цдул с упряжкой», «шалаш»; в северо-западных говорах слово *қос* обозначает только «шалаш наподобие юрты, используемый во время сезонных работ». В юго-восточных говорах: *тіршілік* «жизнь, существование» и «работа»; *қызыл* «красный» и «очищенное зерно»; *қосу* «запрягать» (о лошади) и «прибавить»; *суыру* «веять» и «вынимать, вытягивать»; *шелдеу* «утрамбовать» и «соскабливать» (жир или мясо со шкуры животного); в северо-западных говорах: *тіршілік* только «жизнь, существование»,

¹⁷ А. С. Ч и к о б а в а, Введение в языковедение, ч I, М., Учпедгиз, 1952, стр. 61.

қызыл только «красный», қосу «прибавить», шелдеу «соскабливать» и т. д.

Следует отметить, что лексические элементы легко могут заимствоваться одним говором из другого. Поэтому границы распространения отдельных слов могут не совпадать с границами между основными двумя говорами казахского языка. Например, слова *жейде* «мужская рубашка», *ақыр* «ясли для скота», *жертөле* «землянка», *самбе* «чайный отвар», *жасолым үй* «юрта» и другие, присущие говорам населения южных районов, встречаются и в некоторых районах северо-западных областей.

В общенародном казахском языке имеются также некоторые диалектные особенности и в области грамматического строя, из которых специфическими отклонениями являются:

1. Наличие преимущественно параллельного употребления падежей некоторых слов в северо-западной группе говоров в отличие от юго-восточной, например: *суда жезүзіді* // *суға жезүзіді*; *бұрын молданан оқыды* // *бұрын молдаға оқыды*; *атты мін* // *атқа мін*; *былтыр осы айда жсаңбыр жсауды* // *былтыр осы айға жсаңбыр жсауды*. Отмечая параллельное употребление падежей в говорах казахского языка, мы ограничились лишь несколькими примерами, указывающими на отклонение от норм казахского литературного языка. В общенародном разговорном языке такое параллельное употребление падежей является одной из его особенностей, характеризующих отличие разговорного языка от литературного.

2. Употребление в северо-западных говорах формы прошедшего времени, образованной от неопределенного наклонения на *-лы, -лі* [*барулы, жасалы, бақулы* вместо *барыпты* «поехал» (давно прошедшее время) и др.]. Такие же реликты диалектных различий обнаруживаются как в юго-восточных, так и в северо-западных говорах, например, вместо общепринятых форм *бар* «иди», *барар* «вероятно, пойдет», *барсаңшы* (*барсайшы*) «ну-ка иди, иди-ка», *баратын еді* «должен был поехать», *бартұрған* «то, что есть» употребляются *барың, барұр, барғыл, барсай, баратынды, бартұғын* и т. п.

3. Наличие формы причастия на *-жақ, -шақ* в северо-западных говорах при отсутствии ее в юго-восточных. Причастие будущего времени в северо-западных говорах оформляется на базе деепричастий, например: *бараясақ* «долженствующий идти» (в западной группе).

4. Употребление в северо-западных говорах причастий прошедшего времени в форме *бара жатқан, бара жатырған* «идущий», а также *бара жатыр* (форма настоящего времени), тогда как в юго-восточных соответствуют им *барайатқан, барайатыр, баратыр*. Следует отметить, что формы *барайатыр, барайатқан* встречаются и в некоторых районах западных областей Казахстана. Чередование же звуков *ж/й* в некоторых словах (*бараяжатыр—барайатыр, қай жсаққа—қай йаққа, қайаққа* и др.) для большинства северо-западных говоров, как правило, не характерно.

5. Употребление в южных говорах повелительного наклонения 2-го лица единственного числа с аффиксом *-қын, -ғын/-кін, -гін* (*айтқын* «скажи, скажите») вместо литературного *-айт, айтыңыз*), в северо-западных же эта форма отсутствует.

6. Употребление сложной формы желательного наклонения, например: *менің ұйықтағым бар* «мне хочется спать», *оның ұйықтағысы жоқ* «ему не хочется спать» и др. Эта форма является характерной для разговорной речи населения юго-восточных районов.

7. Употребление в юго-восточных говорах архаичных форм творительного падежа, отсутствующих в северо-западных говорах, с послелогом *мынан/бынан* вместо *менен* (*ол атпынан келді* «он поехал на лошади», *поезбынан барды* «он поехал в поезде» и др.).

8. Наличие замены местного падежа формой с аффиксом *-лы* в юго-восточных говорах при отсутствии ее в северо-западных (*жұмысқа уақыты келеді* «он приходит на работу во-время» вместо *жұмысқа уақытында келеді* и др.).

9. Наличие желательного наклонения 1-го лица множественного числа на *-лы, -лі* в юго-восточных говорах при отсутствии его в северо-западных: *баралы* «пойдем», *көрелі* «увидим», *аң қаралы* «пойдем на охоту» вместо *аң қарайық, аңға шығайық*).

Изучая эти две основные группы говоров (юго-восточные и северо-западные) казахского языка, которые имеют также, в свою очередь, и под-говоры, мы приходим к заключению, что северо-западные говоры утратили некоторые черты, сохраняющиеся в юго-восточных говорах. Об этом свидетельствует наличие некоторых архаических явлений в юго-восточной группе говоров, например: звуки *ч, дж* и чередование звуков *б/м* (*бұны* — *мұны*, *бұниша* — *мұниша*), сохранение заднеязычных *з, қ* в некоторых словах: *ұрығ* — *ұру* «род, племя», *шабық* — *шабу* «покос», *жасамақ* — *жасамау* «починка», *сылақ* — *сылау* «смазывание», *құмған* — *құман* «чайник», *суару* «поить», *жоғармақта* «недавно, на днях» и другие. Об этих явлениях С. Е. Малов писал: «...в более древних языках здесь сохраняются заднеязычные, а в более новых они изменяются в другие звуки»¹⁸.

Наличие употребления в северо-западных говорах звуков *ж* (*жсоқ*) вместо *дж* (*джсоқ*), *м* (*мұны*) вместо *б(бұны)*, *у* (*асу, сыбау*) вместо *қ, ғ* (*асық* «излишек», *сыбақ* «смазывание»), выпадение *к, з* в словах *біз* «шило», *бірдеңе* «что-либо», *ештеңе* «ничего» (в юго-восточных говорах: *бігіз, бірдеңке, ештеңке* и др.), а также употребление грамматических форм *кешке* «вечером» вместо *кешкі-сін, мен* (*сенімен* «с тобой») вместо *мынан* (*сенімынан*) являются новообразованием по сравнению с вышеуказанными архаическими явлениями.

Кроме того, в отдельных районах встречаются такие слова, бытование которых обусловлено специфическими условиями хозяйства этих районов, например, только на юге употребляются следующие слова: *қуыр, құмыр* — от слова *қум* «водопровод»; *құлақ* «отводной канал»; *жертіс* (*жолтіс*) «старая примитивная соха» (в северо-западных районах — *соқа*); *қум* «большая глиняная посуда»; *тұту* «держатъ» и другие. Употребление этих слов является одной из особенностей юго-восточной группы говоров в отличие от северо-западной группы.

Что касается диалектных особенностей разговорной речи населения Восточно-казахстанской области, юго-западных районов (Кокпектинского, Аксуатского, Жерминского и др.) Семипалатинской и юго-восточных районов (Капальского, Аксуйского, Алакольского и др.) Талды-Курганской областей, то они представляют собой характер переходного говора.

Характерные особенности этого говора не встречаются в пределах вышеуказанных северо-западных областей Казахстана. Например, чередование звуков *ш/ч* (*шуберек* — *чуберек* «стрипка», *шығып* — *чығып* «выйдя» и др.), *б/п* (*бұтақ* — *пұтақ* «ветвистый», *беріп қалды* — *періп қалды* «он стукнул» и др.), *д/л* (*таңдай* — *таңлай* «вёбо», *тыңдау* — *тыңлау* «слушать» и др.). Наличие таких слов, как, например, *там* (вместо *үй*) «дом», *тесе* (вместо *шот*) «мотыга», *көрпелдес* (вместо *көрпеш, кобей*) «ягненок позднего окота», *пысу* (вместо *пісу*) «созревать», «свариться», *тыстау* (вместо *тастау*), *эйелін тыстау* (буквально: «бросить жёну»)

¹⁸ С. Е. Малов. Древние и новые тюркские языки. «Известия АН СССР. Отд-ние лит-ры и языка», М., 1952, вып. 2, стр. 141.

«разводиться с женой», *чегу* (вместо *жесгу*) «запрягать», *қос айдау* (вместо *жыртуу*) «пахать землю», *сыйықты* (вместо *сықылды*, *сыяқты*) «подобный», «подобно», «вроде» и др.

Говоры населения отдельных районов имеют также особенности, обусловленные их языковым окружением. Так, в говорах юго-восточной группы имеются элементы узбекского, киргизского и отчасти уйгурского языков, а в северо-западной группе — элементы русского (в большей мере, чем в юго-восточных), а также татарского и башкирского языков. Например, в некоторых областях северо-западной части Казахстана встречаются такие слова, как *мәтке* «матка», *божы* «вожки», *пар* «зябрь», *помыш* «помощь», *постромке* «постромка», *нәселке* «носилки», *жар* «стена», *ындыр* «сток», *шәрке* «лапти», *сүлгі* «полотенце», *бию* «плясать»; наблюдается чередование *о/у* в словах *қортынды* — *құртынды* «вывод, заключение»; *қолдау* — *құлдау* «применять, употреблять». Эти слова и грамматические формы в юго-восточных районах отсутствуют. Там вместо вышесказанных слов употребляются: *қары*, *өрлік* (вместо *мәтке*), *делбе*, *сүдеер асар*, *жанжип*, *зембіл* и т. д.

Наконец, в заключение следует отметить, что основные говоры казахского языка имеют определенные территориальные границы. В этом отношении не прав Н. Т. Сауранбаев, который отрицает существование территориальных границ диалектных различий в казахском языке. В своей статье «Письмо в редакцию» он пишет: «...диалекты должны иметь свои определительные фонетические, грамматические и лексические особенности, отличающие их друг от друга. Кроме того, они должны иметь определенные границы. Если подойти к существующим различиям в разговорном языке с этой точки зрения, то они не отвечают этим условиям»¹⁹. Это положение не соответствует действительности, ибо многие лексические, фонетические и некоторые грамматические особенности, указанные в данной статье, свойственны тому или иному говору в определенных его границах; исключение составляют только те особенности, территориальные границы которых не всегда удастся установить.

При изучении говоров казахского языка, особенно при изучении говоров населения районов, смежных с другими народностями (узбеками, киргизами и др.), встречаются трудности, связанные с отсутствием фактических данных по сравнительно-историческому изучению говоров близкородственных языков. Поэтому вопрос сравнительного изучения языков, их диалектов и говоров должен стать одним из важных вопросов диалектологии, так как применение сравнительно-исторического метода изучения говоров позволит правильно подойти к сложным вопросам межязыковых и междиалектных отношений родственных языков в соответствии с историей народов — их носителей. Такое изучение языка и его говоров дает возможность определить пути развития, установить основы казахского литературного языка. В этой связи разрешение вопроса об отношении литературного языка к говорам казахского языка имеет большое теоретическое и практическое значение в казахском языкознании.

¹⁹ Н. Т. Сауранбаев, Письмо в редакцию, стр. 112.